

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

ПАМЯТИ

ЛЕОНІДА ЭММАНУИЛОВИЧА

Ш И Ш К О.

СОДЕРЖАНІЕ:

- Два портрета Л. Шишко.
1. Ф. Волховскій. Л. Шишко (біографическій очеркъ).
2. Заявленіе осужденныхъ по процессу 193-хъ.
3. Л. Шишко. Изъ воспоминаній прошлаго.
4. Его же. Письмо Жоресу.
5. Его же. Къ вопросу объ организаціи.
6. Ст. Слезовъ. Списокъ работъ Л. Э. Шишко.
7. Похороны Л. Шишко.
8. Рѣчи на погребѣ Л. Шишко.
9. Письма и телеграммы.

1910.



Изъ воспоминаній прошлаго.

Весною 1873 г. я былъ вызванъ изъ Москвы изъ Петербурга письмомъ отъ Сергія Кравчинскаго. Кравчинскій сообщалъ, что петербургскій кружокъ, о существованіи котораго я до тѣхъ поръ только догадывался, приглашалъ меня вступить въ число своихъ членовъ. Это былъ кружокъ чайковцевъ. Зимой 1873 г. я провѣлъ въ Петербургѣ и видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Я былъ въ это время въ Технологическомъ Институтѣ, но ужъ рѣшилъ сдѣлаться народнымъ учителемъ. Идея необходимости сближенія съ рабочими массами носилась тогда въ воздухѣ. Вскорѣ послѣ Рождества я бросилъ занятія въ Институтѣ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у меня былъ близкій товарищъ. Мы послали въ два или три земства письма съ предложеніемъ занять мѣста народныхъ учителей и ждали отвѣта. Въ это самое время пришло письмо Кравчинскаго, и я немедленно выѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ были даны адресъ квартиры на Саратовской улицѣ, тогда еще немощенной, съ деревянными мостками вѣсто тротуаровъ и деревянными долами. На квартирѣ меня встрѣтилъ высокій юноша съ густыми рыжими волосами, паданнинами на вискахъ, добръ и бѣдная дѣвушка съ очень умнымъ лицомъ. Это были Чарушинъ и Анна Дмитриевна Кувшинская. Они оба были изъ Вятки. Анна Дмитриевна числилась студенткой женскихъ медицинскихъ курсовъ, только что открывшихся при Медико-Хирургической Академіи. Выѣхавъ съ Перовской, сестрами Корниловыми и Ободовской, она входила въ составъ кружка чайковцевъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя одні изъ первыхъ перешагнули страшный порогъ, о которомъ говорить Тургеневъ. Когда я узналъ ее, она уже вела занятія съ рабочими Выборгской Стороны. Знакомства съ рабочими начались у кружка чайковцевъ еще съ 1871 года. На частныхъ квартирахъ устраивались нѣчто вродѣ вечернихъ классовъ, на которые приглашались рабочіе. Зимой 1872 года на Выборгской Сторонѣ былъ нанятъ отдѣльный домикъ Байкова, куда ежедневно стекалось по нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ. Съ ними занимались чтеніемъ, арфо-

метикой, географией и в то же время приглядывались к ним, знакомились ближе с наиболее выдающимися из них, одаренными божьей искрой. Из таких образовывались более тесные группы, которые посвящались в самые общиye черты, в идеи кружка. Одна из таких образованных групп собиралась по вечерам на квартире Чарушина и Кувшинской, когда я приехал в Петербург. И до сих пор помню некоторых из этих рабочих: помню Григория Крылова, страстная и самоотверженная натура, расклевывавшая на подвиги; помню Ивана Ивановича, помидорого татца, заученного пропагандиста еще в воскресных школах 1861-62 гг.; помню молодого и дерзкого Абдулмана, сдержанного Ефима... Бесѣдами и чтением на этих побольших вечерах собраний руководили главным образом Чарушин, но Анна Дмитриевна входила в них много свойственно ей оживлением. Умная и оживленная, она хорошо разбиралась индивидуальные особенности каждого из рабочих, и с каждым из них у нее устанавливались простые и правдивые отношения. Го были разные тѣры рабочего движения. Представителями его являлись отвлеченныe единицы, как бы оторванные от окружения или массовой среды. Эта окружавшая их массовая среда была тогда еще на очень низком ступени общественнаго развития: ей нужна была даже самая мысль о возможности какого-нибудь участия въ общественной жизни. Знакомая съ социалистами, работа вперемежку становилась съ совершенно новыми для них вопросами: они переносили, как бы сгребая въ одну кучу, от пропагандисты требовались незамысловатая способность, чтобы соответствовать этому духовному притвору. Тогда почему такие крупные люди, как Крачинский, Кривошанин, Киселевич, Купреневъ, Анатолий Сердюковъ, уходили чуждомъ на работу, привносящую, позитивному, столь незначительные результаты. Съ точки зрѣнія современныхъ условий, достигнута съ большими усилиями пріобрѣтеніе двух или трех десятков сознательныхъ рабочихъ вряд-ли даже заслуживало бы особаго упоминанія; но въ то время это были первые драгоценные ростки, положившіе начало рабочему движению. Большое значеніе этихъ первыхъ шаговъ хорошо сознавалось въ то время, и влияние кружка чайковцевъ никакъ не оспаривалось.

Этотъ кружокъ представлялъ какъ бы тѣсную товарище-

скую семью. Всѣ члены его были связаны между собой личной дружбой, безусловно вѣрили въ полную преданность каждого изъ нихъ. Личная жизнь сливалась для нихъ съ общимъ заветнымъ дѣломъ. Подборъ членовъ кружка на почвѣ полной искренности и безраздѣльности стремлений создавалъ тѣсную личную, столь родственную между собой по духу, что личная привязанность и самая тѣсная дружба возникали между ними какъ бы по дѣйствію.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я уже горячо полюбовалъ Чарушина и Анну Дмитриевну и мы составили какъ бы отдѣленіе Выборгской Стороны по занятію съ рабочими и ежедневно встрѣчались другъ съ другомъ. Затѣмъ въ самомъ началѣ 1874 г. Чарушинъ былъ арестованъ, а вскоре послѣ него была арестована и Анна Дмитриевна. Началось долгое, почти четырехлѣтнее тюремное заключеніе. Увидѣлись мы снова только во время суда, въ концѣ 1877 г., а въ іюлѣ 1878 г. я, Чарушинъ и Синегубъ были отправлены на Кару, причемъ Анна Дмитриевна, уже обитавшаяся тогда съ Чарушинымъ, поѣхала вмѣстѣ съ нами. Мы пробывали тамъ до лѣта 1881 г. Эти три года были полны самыми тяжелыми впечатлѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они окрашены многими дорогими воспоминаніями. Намъ было тогда еще мало на Карійской каторгѣ — человекъ 12, причемъ пятеро изъ насъ принадлежали къ кружку чайковцевъ (Чарушинъ, я и Синегубъ съ женой). Но пріѣздѣ, мы нашли тамъ Е. С. Семеновскаго и С. П. Богданова, которые были привезены за годъ до насъ. Кроме того тамъ находились Н. Г. Успенскій, осужденный въ 1871 году по печенскому дѣлу, и его жена, Александра Ивановна, служившая акушеркой при тюремной больницѣ. Затѣмъ были еще А. О. Союзновъ, А. Т. Квятковскій, А. Н. Вибергаль и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ нами пріѣхала на Кару Е. К. Бремковская, но оставалась тамъ только два или три мѣсяца, а потомъ была увезена на поселеніе.

Первые мѣсяцы по пріѣздѣ на Кару мы провели въ тюрьмѣ, хотя по общимъ тюремнымъ правиламъ могли бы уже быть выпущенными на вольныя квартиры, такъ какъ срокъ нашихъ каторжныхъ работъ, согласно приговору суда, долженъ былъ считаться со дня нашего ареста, т. е. съ 1874 года. Комендантомъ Карійскихъ каторжныхъ тюремъ былъ тогда В. О. Кононовичъ. Это было довольно рѣдкое явленіе въ оф-

фициальномъ мірѣ. Человѣкъ съ большими способностями, умный и развитой, онъ отличался гордымъ и независимымъ характеромъ. Встрѣчаясь съ людьми другого круга и другого образа мыслей, онъ умѣлъ цѣнить въ нихъ то, что заслуживало уваженія, — въ такихъ случаяхъ признанія закономъ и даже обязательныя для него мѣрки отходили на второй планъ. При насъ на Карѣ была группа уральскихъ казаковъ, сосланныхъ за волоченія, бывшій въ 1874 г. Это были убежденные люди, жертвы политическихъ преслѣдованій. Вопреки всемъ тюремнымъ установамъ, Кононовичъ не сталъ держать ихъ въ тюрьмѣ и устроилъ имъ болѣе спокоее существованіе, назначивъ имъ сторожами при казенныхъ магазинахъ. Встрѣтившись съ политическими заключенными, онъ вскорѣ раздѣлился въ нихъ болѣе близкимъ себѣ по духу людей, чѣмъ окружающее его общество казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ. Особо сильно впечатлѣніе произвелъ на него Евгений Степановичъ Семьяновскій. Это были во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся человекъ — выдающійся по уму, по образованію, по силѣ общественнаго чувства и по силѣ сознанія неприкосновенности своей личности. Онъ горячо любилъ рабочій народъ. Онъ бросилъ все, просидѣлъ любимого отца, бросилъ личное счастье, карьеру, и пошелъ, вмѣстѣ съ другими, съ низкими заработками, но въ са какія идеальныя блага онъ не отказался бы ни отъ одной малѣйшей частицы своего человѣческаго достоинства. Сознаніе неприкосновенности своей человѣческой личности было дорожкой для всего жизни. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и хорошо владелъ собой; онъ просто и спокойно отстаивалъ свои требованія, когда они касались этой святости для него, но пошелъ бы въ отставленіи ихъ до конца. Во время его пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, по дорогѣ въ Кару, его, одѣтаннаго въ арестантскіе халаты, встрѣтили на тюремномъ дворѣ полковникъ Соловьевъ, адъютантъ иркутскаго генералъ-губернатора, надменный гвардѣйскій офицеръ. Постѣдовалъ вопросъ: „Какъ фамилія?“ Зная, что передъ нимъ политическій арестантъ, Соловьевъ намѣренно избѣгалъ мѣстоименія „Чья?“ — спросилъ его Семьяновскій. „Какъ фамилія?“ — уже угрожающе загремѣлъ Соловьевъ. „Чья?“ — снова и также спокойно повторилъ Семьяновскій, причемъ смотрѣлъ Соловьеву прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было столько внутренней силы и рѣшимости, что Соловьевъ не выдержалъ и прерывающимся голосомъ пропѣлъ: — „Ваша“. Эта небольшая сцена очень характерна. Семьяновскій отлично понималъ серьезность положенія; если бы Соловьевъ не сдался, дѣло кончилось бы неминуемой катастрофой. Въ этомъ отношеніи Семьяновскій былъ хрупкая натура, не жилище на этомъ свѣтѣ. И онъ действительно скоро погибъ, не кончивъ срока каторжныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ нашего прѣзда, Кононовичъ сталъ хлопотать черезъ Забайкальскаго губернатора о примѣненіи къ политическимъ заключеннымъ общаго тюремнаго правила, по которому вторая половина срока проводится каторжниками на вольныхъ квартирахъ. Разрѣшеніе было получено черезъ годъ, но Кононовичъ не успѣлъ освободить насъ изъ тюрьмы своею властью. Онъ освободилъ насъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ и освободилъ отъ всякаго внимательства въ нашу жизнь мѣстной полиціи. Онъ былъ полнѣмъ хозяиномъ въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, гдѣ были расположены по теченію рѣки Кари пять или шесть огромныхъ острововъ, наполненныхъ тысячами каторжниковъ. Здѣсь онъ представлялъ собою высшую власть и не могъ встрѣтить никакого сопротивленія своимъ распоряженіямъ; но отсюда могли сыпаться и действительно вскорѣ посыпались на него доносы.

И вотъ послѣ долгаго, почти пятилѣтняго тюремнаго заключенія наша маленькая товарищеская группа оказалась на полной свободѣ въ предѣлахъ даннаго далекаго уголка. Мы могли вдоволь наслаждаться роскошной мѣстной природой, съ ея жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ ея красивыми совками, съ ея огромными смолистыми лиственницами, съ ея необыкновеннымъ богатствомъ цвѣтовъ. У насъ были книги, были хорошія воспоминанія; насъ связывали хорошія дружескія отношенія; у насъ была молодость, были силы, были не только неразрушенные, а даже и непоколебленныя общественныя стремленія. Но мы были плѣнниками. Далекая Россія, къ которой рвался все наше мышленіе, казалась намъ недосягаемой мечтой. Въ насъ не было той душевной усталости или политическаго разложенія, при которыхъ даже и ссылка, обставленная сколько нибудь сносными условіями, является какъ-бы тихимъ пристанищемъ. Это активное настроеніе, этотъ избытокъ энергіи, при встрѣчѣ съ окружающей насъ общественной пустыней, производили диссонансъ, который накладывалъ мучительный от-

печаток на наше существование. Всего сильнее отождалось это на Семяновскомъ. Онъ трудно переносилъ ссылку. Его болѣзнь способности, его страстное стремление быть полезнымъ своему народу какъ бы переполняли его тоскующее сердце, не находя выхода. Мысль объ уходящихъ безслѣдно годахъ терзала его; но только въ рѣдкія минуты и только самымъ близкимъ друзьямъ онъ высказывалъ свое скрытое настроеніе. Обычно же онъ казался очень спокойнымъ и даже оживленнымъ. Онъ былъ болѣе дружнаго центромъ нашей небольшой колоніи. Къ нему обращались за совѣтомъ: онъ велъ переговоры съ Кононовичемъ по поводу какихъ-нибудь столкновений съ мелкимъ мѣстнымъ начальствомъ; съ нимъ чаще всего заводились теоретическіе разговоры.

Анна Дмитриевна также тяжело переживала наше вынужденное интеллигентное одиночество. Въ ней также всегда были очень живы общественныя стремленія. Какъ ни была она прилепана къ своей семьѣ, но семья никогда не наполняла ее существованія. И тѣмъ болѣе продолжалась ссылка, тѣмъ явнѣе она мирилась съ ней. Позднѣе, когда она жила въ Читѣ, а затѣмъ въ Керенискѣ, эта неудовлетворенность придавала какой-то хроническій тоскливый оттѣнокъ ея настроенію. Она была въ числѣ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и при большихъ семейныхъ заботахъ провели въ непримиримости, черезъ всю свою долготѣльную ссылку и умственные запросы и потребность въ общественной жизни.

Вскорѣ она познакомилась съ женой Кононовича, и это знакомство было вѣстникомъ той дружбы, которая связала ихъ впоследствии, когда семья Кононовича оказалась одно время въ очень драматическомъ положеніи. У Анны Дмитриевны было умѣнье знакомиться съ людьми. Она привлекала ихъ къ себѣ своимъ умомъ и своею большою психологической чуткостью. Съ нею легко было быть откровеннымъ, такъ какъ можно было быть увѣреннымъ, что она не задѣнетъ болѣзненно ни одной нашей чувствительной струны. Въ ней было много изящества и потребности въ красотѣ. Она всегда умѣла придать привлекательный видъ своей домашней обстановкѣ, даже при жизни въ убогихъ карейскихъ квартирахъ съ выбѣленными известкой стѣнами; у ней въ домѣ всегда было хорошо и уютно...

Такъ жили мы въ теченіи почти двухъ лѣтъ въ своемъ тѣсномъ кругу, среди дикой природы, отрѣзанные отъ остальнаго міра. До насъ доносились слухи о Петербургскихъ событіяхъ 1879 и 1880 годовъ, поразившихъ насъ рѣзкимъ переломомъ по сравнению съ характеромъ движенія начала 70-хъ годовъ. Будучи оторванными отъ движенія съ 1874 г., мы не пережили сами всѣхъ условій, вызвавшихъ этотъ переломъ, а потому вначалѣ невольно ясно представляли себѣ психологію дѣятелей послѣдняго періода. Только позднѣе, встрѣтившись съ ними лично, можно было уловить сущность новаго настроенія. Тѣмъ временемъ на Кару начали прибывать политическіе, осужденные по процессамъ 1879 года, изъ Кіева и Одессы. Для нихъ были приспособлены одинъ изъ старинныхъ остроговъ, вскорѣ насчитывавшій уже около сотни заключенныхъ. Для женщинъ была назначена небольшая особая тюрьма — та самая, въ которой мы провели первые мѣсяцы по прибытіи на Кару. Среди заключенныхъ женщинъ находились П. Арфелъ — бывшій членъ нашего кружка, М. Ковалевская, С. Лешеръ, Кутитовская и др. Въ мужской тюрьмѣ сидѣли Волошенко, Попко, Стеблинъ-Баменскій, Михаилъ Родионовичъ Поповъ, Жуковъ, Юрковский и многіе другіе, которыхъ уже нѣтъ больше.

Вскорѣ намъ пришлось познакомиться со всѣми ними, такъ какъ нашему полу-идиллическому пребыванію на каторжныхъ работахъ былъ положенъ конецъ. Въ концѣ декабря 1880 года Кононовичъ получилъ распоряженіе, шедшее отъ Лорисъ-Меликова, — прекратить перенеску политическихъ съ родственниками и увичтожить по отношенію къ нимъ освобожденіе на вольныя квартиры. Онъ долженъ былъ снова посадить насъ въ тюрьму.

Это неожиданное распоряженіе оборвало ту тонкую нитку, на которой съ трудомъ удерживалась для Семяновскаго его жизнь въ ссылкѣ. Идти снова въ тюрьму онъ не захотѣлъ и рѣшилъ умереть. Онъ давно уже былъ истерзанъ внутренне пылкими лишеніемъ свободы. Къ этому лишенію свободы онъ не могъ привыкнуть; онъ чувствовалъ его непрерывно, ежедневно. Каждое утро, поднимаясь съ постели, смотря на сверкающее солнце, на мирную природу, онъ зналъ, что онъ лишень на вѣки правъ, что онъ запертъ, какъ звѣрь въ клетку. Онъ не могъ свыкнуться съ этимъ положеніемъ. Въ немъ

не было той упругости, которая позволяет человеку, при данных обстоятельствах, в силу практической необходимости, перейти на низшую ступень существования. Он остался до конца тем же гордым и непоколебимым, каким вступил на избранный им путь; он сошел в могилу с токою в сердцах, с жадной жизни, но с сознанием, что той жизни, какую ему предлагали, он не хочет. Одним из смертельных ударов, нанесенных ему, было лишение переписки с родными. Он горячо любил своего старого отца, жившего в Киев. Между ними были не только родственная привязанность, но глубокое взаимное уважение. Мысль, что у него отнята возможность обмениваться хотя изредка письмами с любимым отцом, которому уже недолго оставалось жить, лишение этой простой человеческой потребности, это сознание себя до такой степени в чужих руках перевернуло всю его душу. Перед ним рисовалась перспектива еще долгой, трезвильней острожной жизни с кандалами, с Забайкальскими казаками, с смотрителями... и он с тяжелой мыслью о неотвратимом несчастии „почтительнейше вернул свой билет“.

Семьянский жил в квартире Чарушиных. Утром в тот день, когда нас должны были отвезти в тюрьму, в его комнату раздался выстрел. Его нашли уже мертвым; на столе лежало его предсмертное письмо к отцу и братьям. Письмо это трудно читать без слез на глазах.

Мы пошли в острог, а жены остались хоронить мертвеца, могилу которого затеряла теперь вместе со многими другими. Конович откасался от поста Карийского коменданта и был переведен в Нерчинск вачалышником Нерчинского каторжного округа.

Обужденный по большому процессу оставался до окончания срока только несколько месяцев. Летом 1881 года Чарушины, Снегубъ и я были переведены на поселение, причем Чарушины, пробыв некоторое время в Читѣ, переехали затем в Нерчинск, где и прожили летъ 5 или 6. Здесь они опять встретились с Коновичем и вскоре еще теснее сблизившись с ним. Как старшему военному чину в Нерчинскѣ, Коновичу была подана нерчинскими жителями жалоба на многократныя злоупотребления при рекрутских приемах в местном воинском присутствии. Дело шло о столь обычном в Сибирѣ взяточничествѣ. Исправникъ, вместе с по-

лицмейстеромъ, учредили бюро, через которое за известную плату можно было откупиться от воинской повинности. Сношения велись через посредство какого-то фактора из бывших уголовных ссыльных. Коновичъ по своему обычаю взялся за дело съ большою энергіей и скоро долженъ был арестовать, какъ исправника, такъ и полицмейстера. Зная, съ кѣмъ имѣть дело, онъ все съдѣственные бумаги держалъ у себя на дому. И вотъ, въ одну ночь, двери его дома были приперты снаружи колыями, а самый домъ подожженъ. Коновичъ съ семьей едва успѣли выскочить изъ огня, бумаги все сгорѣли.

Послѣ этой трагической исторіи семья Коновича была на некоторое время принятъ у Чарушиныхъ, среди общаго отчужденія отъ немѣстной публики. Дело приняло одно время такой оборотъ, что уже Коновичъ попалъ подъ негласное слѣдствіе, по обвиненію въ томъ, что онъ въ силу политическаго радикализма умышленно дискредитируетъ полицію.

По воспитанію и привычкамъ Коновичъ далеко не былъ демократомъ. Кроме того, въ теченіи долгой службы, онъ усвоилъ на многое болѣе или менѣе бюрократическій взглядъ. Сначала онъ видѣлъ въ политическомъ просто дѣлѣ, за-служивающемъ человѣческаго обращенія, притѣмъ проводить грань между политическими изъ интеллигенціи и политическими изъ рабочихъ: „я понимаю, что у васъ могутъ быть свои идеи—говорить онъ кому то изъ насъ—но скажите пожалуйста, что общаго между вами и Союзными?“—Союзомъ былъ московскій рабочий. Внѣслѣдствіи Коновичъ и объ Иванѣ Осиповичѣ Союзовѣ отзывался не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Эта большая перемена во взглядахъ произошла подъ влияніемъ близкаго столкновенія съ людьми другой среды и другого міросозерцанія. Когда я встрѣтился съ Коновичемъ въ Читѣ, въ 1884 или 1885 году я нашелъ въ немъ уже не чиновника коронной службы. Официальная складка исчезла; передо мной былъ просто умный человекъ очень прогрессивныхъ взглядовъ.

Это одинъ изъ примѣровъ того вліянія, какое могло оказывать въ частности общество Анны Дмитріевны. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, самая личность которыхъ производила известное обаяніе на окружающихъ: около нея всегда

были люди, подчиняющиеся невольно ее облагораживающему влиянию. В этом отношении тяжелая и в значительной мере изолированная жизнь Анны Дмитриевны, не дававшая возможности развернуться всем таившимся в ней силам, не прошла безследно; те, которым пришлось встретиться с нею, не забудут ее горячих речей, ее чуткой отзывчивости, ее способности привлекать других к заботам, выходящим из круга житейских интересов. Загоревшаяся в ней с молодости искра божья уже не угасала.

Тяжела была ее жизнь. Много горя, много тяжелых потерь, много мучить было разбито на ее пути. Но если подумать о той мере лучших привязанностей, лучших человеческих чувств, лучших воспоминаний, которая связывается с этой жизнью, то невольно приходит на память предсмертное письмо Семановского. Несмотря на всю тоску и муку, приведшие его к роковому концу, он все-таки звал своих младших братьев следовать его пути: лучшего не отыщется в этом мире.

Л. Шинко.

Письмо Жоресу.

Дорогой товарищ! Позвольте мне сказать несколько слов по поводу Вашего обращения к русским социалистам в „l'Humanité“ от 4 текущего февраля. Позвольте мне прежде всего поблагодарить Вас за то истинно-дружеское участие, которое сквозит в каждой строчке Вашей статьи. Это именно дружеское участие заставляет Вас видеть для нас возможность теперь же отказаться от „les methodes surannées d'un terrorisme plein de perils et de pièges“ и направить все свои силы исключительно на развитие социалистической деятельности в рабочих массах.

С этого именно, как Вы знаете, и началась наша социалистическая деятельность более 30-ти лет назад. Медленно, шаг за шагом, мы пробивались к рабочим массам — и вот достигли, наконец, того, что, пробужденные от векового сна, русские рабочие массы жадно стремятся теперь к сознательной жизни и к осуществлению своих человеческих прав. Чтобы судить о силе их идейных запросов, достаточно вспомнить о тех миллионах социалистических брошюр, которые разошлись среди них в течение тех немногих месяцев, когда свобода печати фактически существовала в России. Появившиеся тогда социалистические газеты очень скоро приобрели сотни тысяч подписчиков; издательство популярных брошюр сдвинулось одним из самых выгодных предприятий; авторский гонорар в этой области доходил до 500 франков за печатный лист. Способность к организованной борьбе русских рабочих масс была доказана в это время множеством огромных профессиональных союзов, которые возникали как-бы по мановению волшебной палочки.